

По дороге в легенду
Новое героическое фэнтези

Читайте в серии
«По дороге в легенду.
Новое героическое фэнтези»

Элеонора Раткевич
«Найлиссский цикл»
Таэ эккейр!
Ларе-и-таэ

Мария Вилонова
«Тропы Ирда»
Перекресток трех дорог

Георгий Смородинский
«Храм Элементов»
Сын синеглазой ведьмы
Во славу Светлого Ордена
Завещание Единого бога

Элеонора Раткевич
Парадоксы младшего
патриарха
Час кроткой воды

Н Элеонора Раткевич
АЁМНИК
МЁРТВЫХ
БОГОВ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р25

Художница *Ziorre*

Раткевич, Элеонора Генриховна.
Р25 Наёмник мёртвых богов / Элеонора Раткевич. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-236071-8

Старые боги пали, а новые бессильны помочь людям. Мир захлёстывает волна тёмной магии, и спасти его способен лишь один человек — последний Страж Границы, Наёмник мёртвых богов....

Иллари — придворный, поэт и дуэлянт из Белого Города, привыкший рисковать жизнью ради острых ощущений. Однажды его спасает от смерти странный юноша с лиловыми глазами — изгнанник из легендарной страны мастеров, Джетевена...

Мерхина, замок зловещего Палача, неприступен, а его пыточные подвалы внушают ужас даже самым отчаянным смельчакам. И всё же воин Тай поклялся отомстить Палачу Мерхины, который когда-то подверг его невыносимым мукам... Но, пробравшись в крепость, воин узнает шокирующую правду: о Палаче, о самом себе и Зле, поработившем мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-236071-8
© Раткевич Э.Г., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

НАЕМНИК
МЕРТВЫХ БОГОВ

ПОВЕЛИТЕЛЬ

Книга была такой огромной, что положить ее к себе на колени оказалось почти невозможным. После нескольких попыток я разместил ее на траве, и она раскинулась передо мной, а я лежал на животе и пытался разобрать полустертую вязь магического текста:

— Создайся плотью от плоти моей...

Воздух задрожал и потемнел.

— Возьми дыхание от дыхания моего...

Волосы мешали, лезли в глаза, и я хотел их отбросить, но не успел. Я получил такой пинок под ребра, что отлетел от книги на добрых моих два роста, а ростом меня Боги не обидели.

— Сопляк, паршивец, ты что это делаешь?!

Никогда я еще не видел Наставника в таком лютом гневе. Я валялся на траве, пытаюсь дышать, и ничегошеньки не понимал.

— Я... я читал, Учитель, — с трудом выдавил я.

— Ах, ты читал, поганец?! — Наставник одной рукой поднял меня с земли, а другой залепил здоровенную затрещину.

Дело скверное. Рука у моего Наставника тяжелая, и я считал, что в полной мере изведаль ее тяжесть, когда мы боролись. Но раньше он никогда меня не

бил, тем более — так. Ох, как все нескладно получается. Что же я такого натворил?

— Значит ты, трам-тебя-тарарам, читал?!

— Я виноват, Наставник, — я опустил на колени и склонил голову.

Никогда еще я не признавал свою вину без оговорок, без малейшей попытки оправдаться, никогда еще не был готов добровольно принять наказание. Но и Учитель мой так себя никогда не вел. Даже когда я в трехдневном переходе умудрился потерять меч.

— Он виноват, видите ли! — Наставник снова ударил меня. — Ты хоть понимаешь, что натворил?!

— Нет, Наставник, — искренне ответил я.

Это его несколько отрезвило.

— Я тебе говорил, чтоб ты никогда не произносил заклинания вслух?

— Да, Учитель, но я нечаянно... я не очень хорошо читаю, и мне вслух легче...

— Не умеешь — не читай. Нет, ну вот же приспичило оглоеду. Я тебе, мерзавцу, даром говорил? Нельзя — значит, нельзя. Это тебе не базарные лубки с намалеванными голыми девками.

Я подумал, что Наставник в чем-то прав. Мысленно я приравнивал запрет на магические книги к запрету на непристойные лубки с раскрашенными картинками. И то, и другое мне рассматривать не полагалось: еще рано. Но неприличные лубки я уже читал, хоть мне это и запрещалось, так почему же не прочесть и магические книги, которые мне тоже запрещены?

— Сопляк ты, щенок! Читает он, видите ли! Вслух, что попало, где попало! Не где-нибудь в пота-

енном месте между мирами, нет! Разлежся на пузе в травке и призывает. Да еще задержись я чуть-чуть, и остались бы от тебя кровавые тряпочки. Ты хоть это понимаешь?

— Да, Наставник, — виновато произнес я. — Теперь понимаю.

— И мало того, мне бы еще пришлось отлавливать ту пакость, которую ты по своему недомыслию затачил в наш мир. Даже не зная, что это за тварь и где ее искать. И что она может натворить на свободе.

— Я виноват, Наставник, — глухо повторил я.

— Вот и подумай о своей вине, — пробурчал Наставник и коснулся моей шеи у плеча. Я окаменел. Моя плоть оставалась живой, но не повиновалась мне. Спасибо и на том. Я уж думал, что впервые за годы обучения меня просто выдерут, как сопливого мальчишку, и поделом же мне будет. Но наказали меня, как взрослого. Я отстоял свое на службе. Я отстоял свое на лужайке, которую чуть не загубил своими неосторожными заклинаниями, да еще на месяц меня лишили права носить меч.

Это было года четыре назад, и урок я усвоил, как должно. Особенно когда я узнал, что чуть было не произнес заклинание разделения плоти. Часть ее захватило бы какое-нибудь потустороннее чудище и разорвало бы то, что от меня осталось, действительно на кровавые тряпочки. Больше я самочинно в магические книги не лазил. Наставник иногда давал мне их читать — под своим присмотром, разу-

меется — но очень неохотно. Он считал меня безответственным сопляком, и я не мог его за это винить. Ничего не скажешь, показал себя во всей красе.

Мой Наставник Гимар — лучший воин-маг отсюда до столицы, а может, и в столице, но по нему не скажешь. Приземистый, пузатенький, ест за двоих, пьет за троих, ругается, как первосвященник в публичном доме. Одет непонятно во что. Все старое, латаное. Отродясь я на нем новых штанов не видел. С тех самых пор, как он подобрал меня, голодного, на улицах Техины.

Голод сводил меня с ума, голод заставил меня удрать из дома и броситься на поиски счастья в ближайший город, но и там мне пришлось солоно. Улицы Техины вымощены отнюдь не деньгами, красть я не хотел и не умел, попрошайничать тоже, а ремесла никакого толком не знал. Дома я сгребал навоз и все такое прочее, а в городе на подобную работу спрос невелик. Все это я поведал Гимару за второй порцией речной рыбы — первую я проглотил, не заметив. Гимар потребовал у трактирщика здоровенный каравай хлеба и умиленно наблюдал, как я в него вгрызаюсь.

— Что, налоги большие? — сочувственно спросил он, глядя, как я уписываю свежий теплый хлеб.

Я помотал головой.

— Мы освобождены от налогов, — невнятно провещал я набитым ртом.

Гимар присвистнул: он знал, в какой горькой, крайней, безысходной нужде можно добиться полного освобождения от налогов.

— Мало рабочих рук?

Я ответил не сразу: кинул в рот слишком большой и горячий кусок рыбы, обжегся и теперь дышал часто и коротко.

— Рук хватает, — наконец ответил я, отдышавшись. — Отец и еще трое братьев. Я самый младший. Раньше ничего было. Деда пчел держал. Ничего хозяйство было. А потом деда умер, и как-то оно быстро все сошло на нет. Работать есть кому, и работаем, а земля не родит. Нет нам счастья, вот и все.

— Земля, говоришь, не родит, — задумчиво произнес Гимар. — Счастья им, видите ли, нету.

В его голосе чувствовалось осуждение, и я обиделся. Много позже я узнал, что осуждение относилось не к нам.

— Ладно, пацан. Доедай и пойдем.

Я никуда не хотел идти. Я опьянел от вкусной сытой еды.

— Куда пойдем? — насторожился я.

— К тебе домой.

— Не пойду домой, — я вжался в трактирный стул, словно он мог поглотить меня и спрятать.

— Что так? — любопытствовал Гимар.

— Выдерут, — убежденно сказал я.

— За то, что удрал?

— Ага, — если этот странный человек все понимает, зачем предлагает идти домой. Там так холодно, и жрать нечего. Если бы что и завелось, крысы все сожрут вчистую. А меня дома отлупят, это точно.

Гимар усмехнулся.

— Пусть попробуют, — сказал он, отвечая на мои слова, не произнесенные вслух. Я усталился на него.

— Пойдем-пойдем, — он решительной рукой взял меня за шиворот. Я размазывал по физиономии слезы, грязь и сопли, упирался, но мне и в голову не могло прийти указать ему неверную дорогу.

Дома меня, ясное дело, встретили не то, чтобы приветливо. Но Гимар тут же увел отца и братьев в дом, и я ловил только обрывки их разговора. Не очень-то хорошо слышно через окно.

— Это хорошая цена... стыдитесь... я бы вам советовал... семью, и в город... эта земля родить не будет... не советую, сейчас не те времена... ремеслу научится, о чем разговор... зачем пропадать?.. в обиде никто не останется...

Словом, Гимар выкупил меня у моей семьи. Точной суммы я так и не узнал — своих я больше не видел, а не у Гимара же мне спрашивать — но деньги, видно, были немалые, раз на эти деньги по совету Гимара вся семья снялась с земли и переехала в Техину. Устроились они там неплохо, мать мне писала веселые письма. Но я не побывал у них дома. На другой же день Гимар увез меня в свои края. Больше я никогда не искал отбросы на свалке.

Гимар сдержал слово: никто в обиде не остался. Семья моя получила хороший доход и дом в городе, а я получил то, о чем не мог и мечтать. Я был не просто сыт и одет. Я учился лучшему в мире ремеслу — ремеслу воина-мага. Учиться было очень тяжело, но я бы не променял свою жизнь ни на какую другую.

Гимар поначалу ворчал, что он спятил, что из меня ничего не выйдет, что я слишком поздно начал. Но я учился с остервенелым упорством. Ни за что на свете не мог я допустить, чтобы Гимар от меня отказался. Та наука, которая сызмала входит в тело незаметно, как вода в молоко, вливалась в мои мышцы немыслимой болью, но я терпел. От усердия я готов был на любые деяния, и Гимару частенько приходилось говорить мне: «Охолони, парень. Это тебе не под силу». И я добился своего. Когда к Гимару как-то раз наехали в гости его боевые друзья со своими учениками, я не чувствовал, что они хоть в чем-то превосходят меня. Один из старых воинов сказал Гимару: «Откуда ты выкопал такого парнишку? Он лучше всех наших, честное слово». Гимар в ответ буркнул: «Не хвали тесто, пока хлебом не стало, прокиснет». Но он был доволен, я знаю.

Выучился я и многому другому. У Наставника Гимара и пчелы роились, и земля родила, и еще как! Впервые я узнал, что такое работать на земле в полную силу, а не ковыряться в ней пальцами за отсутствием сохи. Поначалу я считал, что впустую трачу время вместо того, чтоб махать мечом, но Гимар живо поставил мне мозги на место. И когда пришел срок, сделал из меня неплохого кузнеца и оружейника. Мой первый меч, тонкий и легкий, был выкован руками Гимара. Когда мне пришла пора браться за настоящее боевое оружие, я выковал его сам. Не сразу, конечно.

Словом, жили мы размеренно и неторопливо. Став постарше и уразумев, что к чему, я только диву давался: неужели на услуги такого человека, как

Гимар, не находится спроса? Времена стояли тяжелые. То тут, то там вспыхивали распри, кой-где на окраинах полыхала настоящая война. Кого с кем? Я не знал тогда. Как не знал и того, почему повальный неурожай терзал некогда плодородные земли. Засухи, ливни, пожары... ничего я тогда не знал.

Однако настал и мой день. Я давно понял, что задавать вопросы Учителю бессмысленно. Все, что нужно, и когда нужно, он скажет сам.

Я сидел на крылечке и заговаривал стрелы — занятие не столько трудное, сколько нудное. Стоит хоть раз ошибиться, и все насмарку, надо начинать заговор сначала. Это если не придется вообще выбросить стрелы и делать новые. Поэтому я так удивился, увидев, что Наставник идет ко мне. Обычно он не мешал мне, когда я заговаривал оружие: дело это было для меня внове, и ошибался я часто.

Однако мгновение спустя я удивился еще больше: Наставник протянул руку к стрелам и быстро, в несколько певучих фраз, закончил заговор за меня. Вот это да! Мастерская работа, ничего не скажешь. Я сам возился бы до полудня. Но Наставник никогда не делал за меня мою работу, стоило мне научиться хоть кое-как выполнять ее. Что за спешка?

— Вставай, парень, поторапливайся.

Я послушно встал.

— Руки чистые? — спросил Гимар, придиричиво оглядывая меня.

— Конечно, Учитель! — я даже обиделся немного. — Я всегда привожу себя в порядок перед рабо-

той, ты ведь знаешь. Я купался сегодня. И одежда чистая.

— Это хорошо, хорошо. Значит, переодеваться тебе не надо. Пояс подтяни, распустеха.

Я подтянул пояс.

— Пойдем скорее. Время не терпит.

Наставник Гимар на целую голову ниже меня, шаг у него некрупный, опять же пузо мешает. Но, несмотря ни на что, я с трудом поспевал за ним. Куда мы так спешим? Да еще чтобы обязательно чистые, умытые. Батюшки, да ведь Наставник тоже во всем новом. И как я сразу не заметил?

— Куда мы идем? — я не удержался от вопроса.

— Ты — наниматься на службу, я — заверить твой найм, — ответил Наставник.

— Наниматься? Я? Правда? — я слегка обалдел от радости. Наставник тяжело вздохнул.

— Правда, правда, — проворчал он. — А если тебе так нужна правда, изволь: никакой ты еще не воин-маг, а вовсе сопля в полете. Вон какой вымахал амбал, — он задрал голову, неодобрительно заглянув мне куда-то в ноздри, — а ума не нажил. Поперек себя в плечах шире, а так дурак-дураком.

Он снова вздохнул и на ходу почесал брюхо.

— По настоящему, так тебе еще рано наниматься. Но ничего не поделаешь, приходится спешить. Война совсем уже рядом.

— Война? Какая? С кем?

Гимар не ответил.

— Ты своим написал, чтоб уезжали, как я тебе велел?

